
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.С. Готлиб
(Самара)

АВТОЭТНОГРАФИЯ (РАЗГОВОР С САМОЙ СОБОЙ В ДВУХ РЕГИСТРАХ)¹

В статье рассматривается опыт использования автоэтнографической исследовательской практики для анализа вторичной занятости как одной из адаптационных стратегий населения, используемых в постсоветской России.

Ключевые слова: дорефлексивный наивный опыт, саморефлексия, исследовательский комментарий, нарративное вопрошание, адаптационная стратегия, вторичная занятость, мотивы «для-того-чтобы», мотивы «потому-что».

Первая часть этой статьи была посвящена теоретическим аспектам автоэтнографии как определенного типа качественного исследования, анализу ее своеобразия, «особости» [1, с. 5–16]. В этой части статьи попробую показать эту исследовательскую практику в действии, когда я, Готлиб Анна Семеновна, реальный человек, живущий в постсоветской России в крупном провинциальном городе, доцент университета, выступаю одновременно и в качестве исследователя, и в качестве исследуемого. Роль иссле-

Анна Семеновна Готлиб – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Самарского государственного университета.

¹ Окончание. Начало см. в № 18 журнала.

дователя – довольно привычное для меня дело: этим увлекательным делом я занимаюсь уже многие годы. Роль объекта исследования – для меня довольно редкая забава: я стараюсь не принимать участие в массовых опросах, даже если интервьюер, сообразуясь с выборкой, очень настойчиво стремится попасть в мою квартиру.

Вместе с тем, занимаясь в последние годы проблемой адаптации россиян к тем кардинальным изменениям в сфере экономики, которые у нас худо-бедно происходят, анализируя нарративы жителей Самарской области, их повествования о способах «вписывания» в меняющуюся реальность, я поняла, что я – одна из них. Блестящая фраза Н.Н. Козловой «Мы не говорим за других или от их имени. Мы – это они» [2, с. 91] очень точно передавала мое ощущение. Я так же, как те люди, которых мы изучаем, пробовала играть по новым правилам нашего постсоветского экономического пространства, не очень-то зная их: пыталась выгодно вложить ваучеры, но так и не смогла это осуществить, продав их на ближайшем рынке; вкладывала деньги в многообещавшие людям банки, почему-то лопнувшие в одночасье и до сих пор не вернувшие мне, как и многим другим, те деньги; и, конечно, как многие, так называемые бюджетники, одновременно работала (и до сих пор работаю) в нескольких местах, благо такая возможность появилась в начале 90-х.

Вот в этом последнем качестве я и стала себе как исследователю интересна. Дело в том, что в течение многих лет, изучая теоретически и эмпирически процесс социально-экономической адаптации россиян к меняющемуся экономическому пространству, мы, как и многие исследователи, выделяли вторичную занятость [3; 4] в качестве довольно распространенной адаптационной стратегии наряду с другими: сменой профессии, открытием своего дела, получением образования для новой профессии и т.д.¹ [5, с. 12].

¹ Речь идет о мониторинге социально-экономической адаптированности населения Самарской области, который исследовательская группа под моим руководством

По данным наших исследований поиском дополнительной работы в этот период в среднем занимался каждый третий опрошенный житель Самарской области (30,8%)¹. Результативность этой стратегии *гораздо ниже*: реально совмещают основную работу с дополнительной только 14,3% опрошенных [6, с. 469]. Уровень распространенности этой стратегии среди населения Самарской области вполне сопоставим с ситуацией в стране: по данным ВЦИОМ совмещают основную работу с дополнительной 17-20% [7, с. 39], хотя оценки масштабов распространенности этого явления, и это подчеркивают многие исследователи [8, с. 110; 9, с. 34–35], достаточно противоречивы.

Эта адаптационная стратегия, как показало наше исследование 2002 г., имела пики популярности и падения. *Взлет интереса* к этому способу преодоления трудностей, по нашим данным, пришелся на 1995–1998 гг. – дополнительную работу искали 38,5% опрошенных. Начальный период экономических преобразований – 1992–1994 гг. характеризуется *робким* использованием этой стратегии: всего 18,6% опрошенных ищут дополнительную работу. И, наконец, самый близкий к нам период 1999–2002 гг. можно назвать временем *умеренного интереса* к этой адаптационной стратегии: ищут дополнительную работу 24% опрошенных [6, с. 470].

Вместе с тем, количественные показатели масштабов вторичной занятости, ее форм и сфер приложения в современной России, наиболее исследованных граней этого социального феномена [10; 11; 12] все-таки не дают представления о «человеческой стороне»

осуществляла в период с 1999–2003 гг. по заказу экономического департамента администрации области.

¹ Специфика нашего методологического подхода к анализу процесса адаптации как психологического и поведенческого *освоения* реально складывающейся экономической ситуации обусловила и наш акцент прежде всего на *способах этого освоения*. Именно поэтому вторичная занятость была важна не столько своей результативностью – «нашел вторую работу», сколько самим фактом своего существования – «искал дополнительную работу».

такого приспособления к меняющейся социальной ситуации. Из количественных данных мы не можем понять, чем именно хороша или плоха вторичная (или множественная) занятость для использующих эту практику людей, что она давала или, может быть, отнимала у них, каковы были «для-того-чтобы» и «потому-что» мотивы, говоря языком А. Шюца [13, с. 105], побуждающие их выбрать эту практику. Понять это можно только, обратившись к реальности *качественного исследования*, к переживанию человеком такого опыта, его чувствам и смыслам, которыми он наделяет явления, так или иначе «втянутые» в этот опыт.

Мне показалось, что я, уже более 10 лет работающая в нескольких вузах одновременно, могу, как «простой человек», которого мы, социологи, изучаем, описать эту невообразимо ускорившуюся жизнь в подробностях, в нюансах, чтобы потом в *качестве исследователя обобщить* мой опыт проживания, переживания этой новой для меня профессиональной и жизненной ситуации, вписав его в социальный контекст постперестроечной России.

Эта работа в *двух регистрах: простое описание моего дорефлексивного опыта и научная рефлексия* означает также, что я собираюсь работать в рамках научного или тяготеющего к научности¹ направления качественного социологического исследования в предложенной мною классификации [14, с. 136–137]. Тогда особенность исследовательской ситуации состоит в том, что я здесь в качестве *объекта исследования* выступаю одновременно как *конкретный человек*, со своей биографической перспективой и индивидуальными смыслами, и как *типичный человек*, «человек как таковой», «каждый человек» [15, с. 187], чьи ожидания и смыслы *типичны* для социальной группы людей, *совмещающих* основную работу с дополнительной, или, точнее, для того *отряда этой социальной группы*, для которого вторичная занятость есть *продолжение его основной работы*. Возможность рассмотрения

¹ Речь идет, конечно, не о Нововременной форме научного знания.

себя в качестве *типичного человека* основывается на том обстоятельстве, что, как показывает наше [5, с. 16] и целый ряд других исследований [14, с. 34], в социальной группе *полизанятым* (термин З.Т. Голенковой и Е.Д. Игитханян [16, с. 43]) наблюдается преобладание людей с высшим и незаконченным высшим образованием, а сама сфера образования входит в круг тех отраслей народного хозяйства, где дополнительная занятость представлена наиболее существенно.

Ориентация на «схватывание» типичного в такого рода исследованиях предполагает и определенный образ результата в форме *мини-концепции* или *исследовательского комментария* с использованием языка теоретических понятий, правда, в *разной степени*. *Исследовательский комментарий* в отличие от минитеории ориентирован кроме коллег по цеху и на *понимание изучаемой группы* и потому приближен к повседневной речи: здесь широко используются метафоры, аналогии, образы, как правило, более понятные «человеку с улицы» в терминологии А. Шюца, чем теоретические понятия.

Я уже отмечала в первой части статьи, что автоэтнографическая исследовательская практика предполагает сбор информации о самом себе двумя способами: с помощью интервьюирования самого себя (нарративное вопрошание) или через скрупулезное записывание своих мыслей, чувств, переживаний в целом по поводу тех или иных событий сегодняшней или прошлой жизни. Я выбрала первый вариант, вариант нарративного вопрошания как оптимальный с точки зрения затрат времени в моей исследовательской и жизненной ситуации.

Практика показывает, что издание *результатов* качественно исследования, представляющего собой *исследовательскую интерпретацию, рефлексию* повседневных интерпретаций изучаемых людей, как правило, не сопровождается публикацией *самого текста интервью*, содержащего эти «повседневные теории» и выступающего основой, почвой, из которой индуктивным путем

(«восходящая» стратегия в терминологии Г.Г. Татаровой [17]) «вырастают» аналитические обобщения исследователя.

Я решила отступить от этого правила и опубликовать как «первоисточник» – нарративное (или, точнее, лейтмотивное) интервью с самой собой, так и собственно исследовательскую версию (опять же мою) этого опыта переживания дополнительной занятости. На мой взгляд, публикация *одновременно* описания дорефлексивного наивного опыта и опыта рефлексии, которую осуществляет *один и тот же* человек, с одной стороны *эмпирически* докажет *принципиальную* возможность каждого из нас разговаривать на *разных языках* в зависимости от *воображаемых Других*, существующих в нашем сознании¹. С другой стороны, такая публикация мне кажется *методически полезной*, так как дает возможность заглянуть на «кухню исследователя», понять, как возникают обобщения, может быть, пригласить читателя к формулированию своей версии. Это, я полагаю, повышает убедительность результатов, что для качественного исследования с его отсутствием формализованных средств доказательности выводов очень важно.

Итак, я начинаю нарратив, мысленно задавая самой себе, как и положено, нарративный импульс².

Я родилась в Туркмении, маленьком городке северной Туркмении, куда отец мой попал, когда его выслали из Москвы. Это были... печально

¹ Теоретически эта возможность строить свое взаимодействие, ориентируясь на ожидания Другого, реального или виртуального участника коммуникации, можно считать обоснованной феноменологической социологией и этнометодологией, и я об этом говорила в первой части статьи.

² Следует сказать, что технически я это делала точно так же, как беру интервью у информантов: использовала диктофон, а потом транскрибировала полученный рассказ. Такой во временном измерении более затратный способ я выбрала потому, что боялась, что *письменная речь* у меня, много пишущего человека, сама по себе *непроизвольно спрямит, сгладит, отольет* в грамматически верные словесные формы, выстроит по правилам, т.е. забудет спонтанность *устного рассказа*, не даст проявиться эмоциональному ряду, точнее, я полагаю, схватывающему опыт переживания человеком своей жизни.

знаменитые 30-е годы. Так он много-много лет там жил, и [вздох] во время войны попадает... в этот маленький городок попадает моя мама, будущая мама, эвакуированная. Они через всю страну из Молдавии бежали от немцев, и в начале войны, точнее в середине войны, она вместе с родителями тоже попадает в этот маленький городок. Так вот там я и появилась после войны. Жили мы там в общем-то недолго, потому что отца моего опять арестовывают, отправляют в особый политический лагерь под Карагандой, Спасск есть такой город, и мы с мамой переезжаем в Куйбышев, так он тогда назывался, где у нее жил брат, и... в общем родственники как-то помогали моей маме выживать.

Ну, а [вздох] в 54-м году отца моего опять освободили, он отсидел целых 7 лет, освободили из тюрьмы и разрешили жить опять только в том городе, где..., откуда его забирали, и так он опять остался в Ташаузе, в этом маленьком городке. Ну и мама принимает решение со мной, ребенком, ехать. В Ташауз. Так вот мы все время в этом городе жили, ну не все время, конечно, а долгое время, я там кончила школу. Ну что мне можно сказать о своем детстве?

Детство у меня, конечно, было замечательным, потому что отец соскучился по ребенку, которого он долгие годы не видел, о котором мечтал в тюрьме. И кроме того, отец мой был человек читающий, как есть, например, человек играющий, прежде всего книга была главным смыслом его жизни, хотя он по профессии юрист, но это, как он сам говорил, скорее для денег, для зарабатывания. Главная его страсть это, конечно, были книги. Он собрал прекрасную библиотеку. Вот в такой вот любви, книгах в общем-то и прошло мое детство. Я любила учить, помогать учиться моим одноклассникам, маленькая наша комнатка всегда была полна народом, я всегда что-то объясняла, меня вечно за кем-то закрепляли...

Отец мой был очень уважаемым человеком в нашем городе, его восстановили в партии во время хрущевской оттепели, и на меня как-то тоже падал этот отсвет. Всегда говорили, что вот это вот дочка Семена Борисовича. Ну, в школе я училась хорошо, особенно любила литературу, конечно, и в общем-то росла таким гуманитарным человеком. Вот...

В школе я была, можно сказать, активисткой. Я была многие годы, ну несколько лет в старших классах секретарем комсомольской организации школы. Мне вообще-то занятие это очень нравилось, потому что мы сами все организовывали, у нас была полная самостоятельность. Тогда и слов таких не знали «школьное самоуправление», но самостоя-

тельность была реальная. Директор школы, наш Степан Федорович Лопотиев, видимо, был замечательным педагогом потому что... Военный бывший, который прошел всю войну, пришел после войны с одной рукой. Он был очень уважаемым человеком, ну и одновременно давал такую большую самостоятельность. Эта самостоятельность нас всех, конечно, очень устраивала и вдохновляла.

Кроме того, параллельно я в музыкальной школе училась и баскетболом занималась, даже выступала за сборную нашего городка, ездили в столицу нашей Туркмении. То есть фактически вот такая бурная активность, я бы сейчас сказала, была у меня. Ну, видимо, это было возможно, потому что всем в семье, всю женскую работу, всю работу по сохранению теплого дома, где есть, что поесть, где чисто и прибрано, конечно, взяла на себя мама, которая работала все время, а вечерами еще успевала это делать, отец ей практически ничем не помогал, после тюрьмы он был очень слабым, работал, правда, но, в основном, сидел в кресле и читал книги.

После окончания школы я, конечно, мечтала о филологическом факультете, но... отец мне сказал после очередной поездки в Москву, он очень любил ездить в Москву и к своим друзьям ходить, которых у него оставалось там много, вот... ему сказали, что поступить на филологический факультет Московского университета с моим параграфом, так называемым пятым пунктом в общем-то невозможно Ну... как-то я ему поверила, хотя, может быть, и зря поверила, думаю сейчас...

Но во всяком случае вот так вот волею судьбы, что ли, я оказалась в Куйбышеве, у меня здесь были родственники и оказалась поступавшей в Политехнический институт. Понятно, что я совершенно не знала, что такое техника, совсем не представляла себе, что такое электротехнический факультет, куда поступала, толком в общем ничего не знала. Но с другой стороны, технические вузы тогда привлекали массу людей, основной поток выпускников шел туда, ну и, видимо, я, захваченная этим потоком, тоже там оказалась. Я... я помню, что мне хотелось как-то доказать, что я вот смогу. Математика для меня всегда была сложным предметом, хотя училась я в школе хорошо, и если по гуманитарным предметам все было легко, интересно и замечательно, то про математику я этого сказать не могу.

Но вот все-таки... вот такой момент был при поступлении, что... я должна доказать всем в этом моем маленьком городке, что вот я, можно

сказать, первая ученица школы, смогу поступить в такой тяжелый вуз. Потому что технические вузы собирали тогда огромное количество людей, там были огромные конкурсы, и вот я хотела доказать. Сегодня я понимаю, что это, наверное, глупо... доказывать что-то... таким образом. Но тогда мне это глупым не казалось, тем более, что я понимала, что тот путь, к которому у меня лежала душа, – это литература, филология, этот путь для меня был закрыт, мне как-то это отец очень точно сказал [*вздох*].

Ну... училась в Политехническом я хорошо, любимые предметы у меня были история, язык, философия, то есть гуманитарные предметы. Сразу же у нас в институте, на мое счастье, был организован так называемый дискуссионный клуб, его организовал тогда приехавший из Свердловска молодой преподаватель философии Евгений Фомич Молевич¹. Этот клуб собирал тогда массу людей, массу молодых людей со всего города. Ну, наверное, сегодня можно сказать, что это было явление для самарской жизни, для куйбышевской жизни, явление, потому что это было, может быть, единственное место, где можно было говорить о том, что думаешь, как-то поспорить, и вообще говорить живым языком, не формальным языком идеологии и пропаганды, а вот... можно было сомневаться в том, в чем... нельзя было сомневаться. И вот там все-таки как-то сомневались. Евгений Фомич зачастую, в большей степени вел сам эти дискуссии и не подавлял сразу своим авторитетом, своими знаниями, а как-то умел стать в позу незнающего, рассуждающего и тем самым давал возможность говорить всякую, я думаю и абракадабру, в том числе, но во всяком случае возможность говорить все, что думаешь, – это, конечно, было замечательно. Поэтому вот эти вот заседания нашего клуба, где студенты, те, кто не могли втиснуться в этот зал огромный, конференц-зал, висели на окнах, на сцене сидели и так далее, все туда рвались.

Ну... студенческие года пролетели очень быстро, тем более, что главным моим местом был, конечно, дискуссионный клуб, а вот предметы, тяжелые предметы, которые у нас были, они как-то шли само собой. Я, конечно, их сдавала, училась я хорошо, и кончила хорошо институт, но все-таки это не было моим делом, я это поняла еще на втором курсе, но надо было получать какое-то образование. Я даже представить себе не могла, как я вернусь в свой маленький город без образования – без всякого,

¹ Е.Ф. Молевич, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и политологии Самарского государственного университета.

тем более родители мои были уже немолодыми людьми, и я не могла подвести их ожидания, надо было как-то рассчитывать на себя самое, и [вздох] одно время отцу не давали работу, мы жили еле-еле, все начинали с нуля, с самых простых и банальных вещей, и поэтому я не могла себе позволить так вот бросить институт без надежды, что я поступлю куда-то и получу все-таки высшее образование [вздох].

Так вот, закончив политехнический институт, я по распределению поехала в Свердловск, выбрала я этот город специально для того, чтобы поступить на факультет... я все-таки хотела осуществить свою давнюю мечту и поступить на филологический факультет. Я-таки поступила на филологический факультет Свердловского госуниверситета, очень хорошо сдала экзамены, но поступила на заочное отделение, скрыла, что у меня уже есть одно высшее образование, как-то мне удалось с документами все сделать, вот, и... вот эти первые годы, точнее первый год, что я там училась, мне все это страшно нравилось, это вообще было просто счастье. Хотя организация, в которую я попала, Уральский проектный институт, УралТЭП назывался, была очень хорошая, народ, люди вокруг были совершенно замечательные, мне там все очень нравилось, кроме дела, которым я занималась. Ну., жила я там в общежитии, работала, но все время думала, что мне нужно окончить филологический факультет.

Потом так сложилось, что я вышла замуж, вернулась опять в Куйбышев, вышла замуж за парня, с которым училась в одной группе, и тут опять устроилась работать в проектный институт, и не любила все это и продолжала учиться заочно и писать всякие безумные работы по латинскому языку, но даже эти безумные работы все равно были мне очень интересны. Потом вдруг, такое вот есть везение, счастье, бог знает что, я встретила на улице Евгения Фомича Молевича, который мне сказал, что он организывает социологическую лабораторию, он не знает, что это такое, но что-то очень интересное, и он предлагает мне перейти.

Тут же я с удовольствием бросила свой проектный институт и пришла в социологическую лабораторию, которую он организовал при кафедре философии Политехнического же опять института. Я вернулась в свой родной институт, но уже в другом качестве, то есть я уже была младший научный сотрудник этой лаборатории. Ну, многие годы наша лаборатория работала на свой страх и риск, работала на предприятиях, вообще-то это целый отдельный разговор, как мы работали, у нас не было поме-

щения, мы заключали договора, работали преимущественно на больших заводах, сами самостоятельно изучали первые книжки по социологии, то есть это было самостоятельное какое-то келейное, что-ли, обучение науке, которой в общем-то еще нет. Никто не знал, что это такое, но уже были востребованы социологические исследования, востребованы, конечно, прежде всего парткомами заводов, руководством, вот... Ну, многие годы я работала в составе этой лаборатории, но, если вернуться ближе к главной теме, о которой я хочу говорить, то понятно, что работа в социологической лаборатории никаких особых материальных благ не приносила.

Жили мы материально всегда довольно тяжело, у меня родился сын, потом спустя некоторое время дочь и понятно, что с двумя детьми жить было очень трудно. Муж мой работал на железной дороге, работал инженером и тоже не мог получать достаточно много. Поэтому жили мы всегда тяжело материально, всегда в долг, благо были родственники, которые всегда были готовы помочь. Вот эта вот жизнь в долг как-то вот осталась у меня главным ощущением советского периода. Практически не было ни одной крупной вещи, самой такой элементарной, которую бы я купила сразу, потому что все-таки это было довольно тяжело. Ну и я даже помню, что когда сын мой заканчивал школу, то у нас не было возможности купить ему новый костюм на выпускной вечер. И... Это меня очень угнетало, я почти целый месяц ходила под этим впечатлением, что я не могу купить мальчику на выпускной вечер новый костюм, а потом все-таки плюнула на все, заняла денег и мы все-таки купили ему костюм. То есть фактически тяжелая такая достаточно материальная жизнь у людей, имеющих высшее образование.

Могла ли я подработать в то время, раз уж все-таки главная тема моего разговора это вторичная занятость? На самом деле, конечно, могла, но не очень серьезно и не очень существенно. В советское время для того, чтобы подработать, нужно было, во-первых, иметь разрешение от отдела кадров и руководитель должен был быть обязательно в курсе того, что ты где-то работаешь, и как бы санкция начальника все-таки должна была быть. Где мы подрабатывали? Подрабатывали, конечно, очень мало, но там... подработка была в основном связана с..., накрепко как бы была связана с таким чувством как..., с таким ощущением, что тебе доверили эту работу, тебя приглашают на эту работу, и тебе ее доверили. Ну, это прежде всего обучение так называемого партхозактива, у нас был Дом политпросвещения, там учили партийных работников всякого уровня,

обучали всяким вещам, в том числе и социологии. И поэтому работа в качестве преподавателя в Университете марксизма-ленинизма и на всевозможных курсах по повышению квалификации партийных работников рассматривалась... как вообще такое большое доверие партии.

Я, конечно, никогда не была членом партии, видимо, не подходила ни по каким параметрам, да и не стремилась к этому, и никто меня туда не приглашал. Ну... и просто так вступить в партию было невозможно, хотя идеологически я была воспитана отцом-большевиком, конечно, который верил в идеалы коммунистические, который даже в тюрьме оставался им верным, этим идеалам, вышел из тюрьмы таким ленинцем непоколебленным. Он, конечно, ненавидел Сталина и все страшное с ним связанное, но именно так, как отклонение от правильной ленинской линии... фактически.

И приглашение в этот Университет рассматривалось, конечно, как вот такое вот доверие и... мне там было очень интересно работать. Люди взрослые, достаточно умные, и вопросы задавали всегда такие, какие-то... не такие банальные, в общем-то проблематичные вопросы. И потом социология была чем-то таким диковинным, новым, им было это очень интересно, особенно за плечами у меня уже был опыт исследований, и я рассказывала о нем. Помню, что все это было вечером, возвращались поздно ночью, но все-таки ощущения, что это тяжелый труд вот такой..., что это вторая работа, все-таки этого не было, потому что вот это вот ощущение, что тебе доверили такую ответственную работу, все-таки жило. И деньги, по-моему, там платили какие-то ерундовые. Но ясно, что не всех приглашали, и тебе это доверили. Вот это ощущение... вот такой вот гордости, ну... оно как-то спасало, хотя я помню, что иногда бывало очень поздно ночью как-то страшно возвращаться. Были периоды, когда в городе обострялась криминальная ситуация, и ночами возвращение через весь город было не самым легким и не самым таким... неопасным занятием, что ли.

Ну, уже в последние годы перед перестройкой я уже тоже немножечко подрабатывала в техникуме, в техникуме для взрослых. Наше руководство как-то к этому относилось спокойно, дало разрешение, понятно, что это не было в паре с Университетом, было или-или, но Университет был вечерами и только пару месяцев в году, вот. Но был еще техникум. В техникуме тоже были взрослые люди, которым вдруг понадобилась социология, и мне с ними тоже было очень интересно рабо-

тать, и люди были очень такие... восприимчивые, им так это нравилось, потому что... вот сейчас анализируя, я думаю, что впервые будущим мастерам, то есть технарям все-таки да? показали возможность раскрытия каких-то социальных резервов, что есть еще, оказывается, в организациях люди, которые что-то могут думать, что-то могут хотеть или не хотеть, и которых можно как-то замотивировать, оказывается, что кроме техники, технологии и машин существуют еще и люди. Мне кажется, они обнаружили людей на производстве и были такими... очень такими благодарными слушателями. Я работала там всего один или два года, и мы в общем прекрасно занимались с ними. Деньги тоже были какие-то маленькие, но вот сама обстановка и сами отношения, та... восприимчивость, то отношение к преподавателю, которое там было среди этих взрослых людей, я в общем-то редко потом встречала, до сих пор редко встречаю.

Ну [вздых], когда началась перестройка, появилась реальная возможность подработки и можно сказать, что вот материально подработка все-таки стала для нас каким-то подспорьем, и... эта возможность появилась сразу и одновременно можно было работать в нескольких местах. И я, конечно, с головой просто буквально ушла в это. Могу ли я сказать, что все-таки деньги были главным моментом? Да, деньги были важны, потому что..., потому что мы..., моя семья жила достаточно тяжело материально, но все-таки вот, я думаю, что... мне... льстило, что не я сама искала работу, не я вот так обзванивала кого-то там, а нет ли у вас работы, а что меня приглашали. Вот этот факт приглашения меня я очень хорошо помню. Вот так было с Гуманитарной академией, где ко мне подошел заведующий кафедрой, сказал, что мы слышали, что вот вы интересно читаете социологию, не могли бы вы у нас прочитать, у нас новое заведение и мы подбираем лучших. Вот эта вот сама идея, что тебя выбирают из многих возможных, мне, конечно, очень нравилась. Было такое ощущение, что это не просто вот такая двузначильная или пятизначильная работа, но еще и работа, которая дает удовлетворение.

Ну, фактически так было со многими моими работами, куда меня приглашали. Никогда я сама не искала ничего, не пробивалась, не предлагала сама. Как-то, к счастью, я от этого была уволена, потому что я это делать не очень-то могу. Ну и еще одним вариантом, почему я соглашалась, был тот момент, что я, все-таки не имея базового образования, такого философского или социологического, собственно говоря вообще в

стране не было тогда социологического образования, я, конечно, знала социологию какими-то урывками, какими-то, как я говорю, хвостами. Тем более, что я знала только эмпирическую социологию, совершенно была теоретически не подкована.

И поэтому, когда меня приглашали читать социологию, то мне волей-неволей надо было готовиться и как-то шире посмотреть на то, что в исследовании изучала. Я в общем-то с удовольствием согласилась, я говорю о Гуманитарной академии, потому что думала, все равно как-то вот надо немножечко больше знать, чем ты знаешь сегодня и сейчас, чем просто методы и эмпирическое исследование. Поэтому вот, м... м..., взявшись читать социологию для неспециалистов, для там юристов, для... психологов, для экономистов, я фактически окунула в новые для меня темы. Оказалось, что это на самом деле очень интересно и... мне казалось, что я даже какими вот другими глазами смотрю на то, чем я собственно реально занимаюсь. Вот [вздох].

Надо сказать, что в конце 80-х у нас (мы уже тогда работали в госуниверситете) открывается социологический факультет, и меня приглашают работать в качестве..., ну, как бы основывать факультет, в качестве декана, хотя эта должность так не называлась, но я была фактически деканом этого факультета. Понятно, что работы навалилось очень много, вот..., но... и... очень много организационной работы, но и... это все-таки не удерживало меня от возможности подработок. И поэтому в начале 90-х я работала одновременно в нескольких местах. На самом деле было какое-то упоение от работы. Вот сейчас я вспоминаю этот период и... вот иначе как упоением это назвать нельзя. Это было какое-то комплексное упоение. И оттого что ты подрабатываешь, конечно, и оттого что можешь позволить себе купить то, что раньше никак не мог позволить, и оттого что ты востребован, и оттого что к тебе везде хорошо относятся и как-то где-то кофем напоят, где-то чаем, что ты как специалист, как профессионал нужен и растешь одновременно.

Вот это вот ощущение востребованности – все-таки очень важное. И главное было, что тебя приглашают... Уже потом, постепенно (м... м) я начинала осуществлять такой вот отбор, постепенно, вначале отбора не было. Вот такая всеядность. Приглашают – иди, приглашают – иди. Еще, еще, еще. Приглашают – иди. И что самое интересное, вот..., все-таки я вспоминаю сейчас это, все-таки... усталости вот такой не было, ну, была эта усталость, ну, как это говорят, приятная усталость. Приятная

усталость, оттого что ты нужен, оттого что получается, оттого что это интересно, оттого что ты читаешь хорошие книжки, интересно рассказываешь, оттого что тебе смотрят в глаза и... потом говорят: «спасибо», а студенты очень часто говорят «спасибо». То есть вот это мне нравилось очень сильно, хотя и деньги, конечно, нельзя отрицать. И... я только могу сказать, что даже в 1995 году я была в Англии, у нас начиналось исследование с Каледонийским университетом, и фактически у меня не было даже фотоаппарата, хотя должна была бы иметь – все-таки первая поездка в капиталистическую, как мы говорили раньше, страну, должна как-то запечатлеться где-то.

Но я... в те годы я... мне... даже невозможно было купить фотоаппарат, но постепенно к середине 90-х, особенно в 96-м году, 97-м вот эта вот работа на нескольких фронтах приносила и материальный достаток. Я купила кинокамеру, дети начали снимать все, даже отличный фильм дочь сделала, да и сама я снимала, и второй раз в 97-м году я уже ездила в Англию с кинокамерой, фотоаппаратом. То есть вещи, которые я раньше не разрешала себе, не могла себе позволить, у меня появились. Но все-таки, вот главное... главное, мне кажется все-таки было не это, а вот упоение от бесчисленных..., от своей востребованности и оттого что это очень интересно. Ну, постепенно, ...да была вот, такая интересная ситуация, что везде встречаешься с одними и теми же людьми. Придешь в Гуманитарную академию – одни и те же люди, университетские коллеги, ходят как бы по кругу. Мы уже смеялись, что мы вообще встречаемся, малознакомые люди, работающие на разных факультетах, встречаемся в одних и тех же местах, вот в этих... в этих других, чужих организациях. То есть можно сказать, что возник, образовался круг людей, я имею в виду преподавателей, конечно, круг людей, которые оказались востребованными вот в этих новых коммерческих вузах, которые открывались бесконечно. Это были одни и те же люди. Можно сказать, что это были достаточно известные, уважаемые в нашем университете люди, потому что мы прекрасно знаем, что есть регалии, есть статусы, а есть реальный, подлинный авторитет среди коллег, среди студентов.

Постепенно все-таки приходило осознание, что есть некоторые вузы, где работать просто неприлично. Потому что так все плохо устроено, так все плохо сделано, что работать там – значит как-то ронять себя. То есть постепенно складывались такие четкие, я бы сказала какие-то претензии, что ли, запросы и понимание, где можно работать, а где нельзя. В итоге

я оставила практически несколько вузов в нашем городе, потому что понимала, что работать там невозможно. Работать там – то есть унижать себя, хотя деньги они платили такие же, как другие вузы. То есть постепенно проходила такая вот селекция, такой вот отбор, когда ты выбираешь фактически, чтобы было все-таки приятно работать. Потому что, мне кажется, долго заставлять себя, мучаться, ну, я, по крайней мере, не могу. Мне это очень тяжело заставлять себя, как на каторгу, идти на работу.

Ну, о чем сегодня можно еще рассказать, что входит в круг этой вторичной занятости? Как относились в семье к этому? Конечно, в семье к этому относились очень плохо или, я бы сказала так, противоречиво. С одной стороны, понятно, что деньги, которые я приносила в семью, были нужны, и это было хорошо. Но с другой стороны, конечно, эта вечная занятость, эта вот дерганность и, честно говоря, все это я смогла выдержать только потому, что часть домашней работы взяла на себя моя мама. Но иногда и она уже уставала и говорила мне: «Ну что ж ты, как мужик-то работаешь! Это мужское занятие, вот столько работать». Но... со стороны мужа, конечно, тоже было полное неудовольствие. Причем это была такая странная вещь: «Перестань работать, хватит себя мучить», хотя я многократно говорила, что я себя не мучаю, мне это интересно, но в глазах мужа это была только дикая нагрузка, переезды в течение одного дня с одного конца города в другой, такое изматывание, то есть у него только эта сторона как бы делалась... главной и он считал, что я себя изматываю, трачу, не отдыхаю, вот. Но при этом, когда я говорила: «Как же мы жить-то будем, ведь тебе нельзя с твоей работой подработать, ведь на твоей работе, где от и до работаешь, это сделать просто невозможно», он говорил: «И так проживем. Жили же мы, и так проживем».

Но в том-то и дело, что так как раньше жили, я жить не хотела, мне уже... понравился вот вкус... таких многих вещей, без которых как-то я уже не могла представить себе свое существование. Конечно, это не были какие-то супердорогие вещи, это в общем-то были нормальные вещи, но даже эти нормальные вещи мы не могли себе раньше позволить. Да и кроме того, дело даже и не только в деньгах, а в том, что мне это в общем-то нравилось. Конечно, не могу сказать, и что это была только эйфория, конечно, были моменты усталости, особенно, когда в течение одного дня нужно было разорваться и успеть на заседание кафедры университета и быть на заседании кафедры другого института, бывали такие совпадения, и на автобусах ты уже принципиально не успеваешь, и надо

хватать машину, и ехать и успеть, конечно... была вот такая напряженка. Но... я как-то считала, что это нормально. Я вообще всю жизнь много работаю и считаю, что это вообще-то нормальная жизнь. Для меня вот такая жизнь была не в тягость, мне она нравилась.

Еще одним средством, с помощью которого я утверждала свое право работать в нескольких местах, был пример других. На самом деле у нас в лаборатории, у нас на факультете практически многие так работают, если не сказать все. То есть все пытались как-то вот работать в нескольких местах, выбирали эти места, крутились, ну... и вот как-то... это и считалось нормальная жизнь. То есть я просто не могла себе представить, как работать несколько раз в неделю, придти отчитать свои лекции и... потом что делать? Параллельно с преподаванием, конечно, шли еще и исследования. Это – отдельный разговор... Но кроме исследований еще была организация массовых опросов. Тогда многие московские фирмы, которые занимаются маркетинговыми исследованиями, только начинали становиться. И я включилась в работу с ними, там по старым каналам меня нашли, и я выступала как организатор поля. Это сейчас может показаться странным, что все-таки доцент, кандидат наук, занималась такой организаторской работой, то есть брала бланки интервью, подбирала интервьюеров, их инструктировала, потом собирала, проверяла интервью и поездом их отправляла. Но для меня в этом, вообще говоря, не было ничего зазорного. Во-первых, потому что опять это был новый опыт. Слово «маркетинговое исследование» было тогда совершенно новым для нас, мы даже толком не понимали, что это такое. Вот и поэтому исследование потребителей было интересно само по себе, хотя роль у меня была здесь достаточно примитивная. Вот... Но я помню, что у меня, преподавателя методологии и методов исследования, вот ощущения такой какой-то второсортности в общем-то не было. Я с удовольствием ездила в Москву, в эту фирму, с удовольствием участвовала во всевозможных таких вот тренингах, где меня учили, как проводить фокус-группу, или еще чему-нибудь, то есть меня обучали тому, с чем я никогда раньше не сталкивалась. В этом смысле это тоже было очень здорово. То есть... [*длинная пауза*].

Я бы сказала, что это была такая вот жизнь... тот период жизни можно было бы назвать жизнью взахлеб. Мне нравилось жить, мне нравилось в десяти местах работать, мне даже нравилось везде бывать почти одновременно – там заседания, здесь заседания, вот этот темп жизни

меня устраивал, он меня не напрягал. Ну, может, помоложе была. Мне казалось, что это и есть жизнь, потому что я никогда не любила тихую, спокойную, размеренную, как-то так получалось, что всегда..., что всегда я была в гуще событий, в центре какой-то организации чего-нибудь, всегда организовывала что-то сама, поэтому вот эта жизнь, жизнь такая вза-хлеб меня как-то вот вполне устраивала.

Но здесь... надо сказать, может быть, возникает вопрос, как к этому относились на главной работе, не мешала ли моя такая множественная занятость главной работе. Ну, это вопрос достаточно противоречивый. С одной стороны, существовало раньше и до сих пор существует такое негласное отношение со стороны начальства, что все-таки это... ну, не очень хорошо. Конечно, никто сейчас не препятствует, и нет никаких оснований для препятствий, но тем не менее вот это все-таки чувствуется. Ах, вы и там, ах вы и здесь, то есть некоторое..., некоторое негативное отношение, видимо идущее еще от советских времен, существует. Все-таки в головах руководителей сидит такое убеждение, что человек не может в нескольких местах работать хорошо. И, если в нескольких местах, то обязательно страдает главная работа. И это означает, что были какие-то такие фигуры умолчания, все руководители знают, что вы работаете в нескольких местах, но делают вид, что этого не знают, или по крайней мере это не подчеркивают, потому что все понимают, что на одни наши... такие вот... университетские, институтские зарплаты до-цента в общем-то обеспечить достойную жизнь сегодня невозможно, сегодня и никогда не было возможно.

Можно спросить себя, а все-таки... качество работы действительно ли было равным, были какие-то предпочтения? Ну..., я могу сказать, что..., все-таки я не могу сказать, что одно было за счет другого. Я просто думаю, что если ты хочешь, чтобы тебя держали в другом месте и относились к тебе хорошо, то... волей-неволей ты стараешься ориентироваться на стандарты, которые существуют в этой организации, а поскольку я в итоге-то стала работать в хороших организациях и до сих пор работаю, вот, то понятно, что я ориентируюсь на достаточно высокие стандарты. А стандарты высокие, потому что все руководители Академии, например, это выходцы из нашего университета, посему эти стандарты внедряются и в Академии. Поэтому я не могу сказать, что одно происходит за счет другого, сказать этого не могу, но..., возможно, ...возможно в самые трудные дни, в самых трудных напряженных ситуациях,

видимо, все-таки это возникает. Потому что иногда периодами усталость все-таки накапливается. И когда она накапливается, то начинаешь себя долго жалеть-жалеть и говорить: «Господи, да сколько же можно, надо уже успокоиться, но это скорее такие минутные.., минутные слабости, потому что вот по большому счету мне это нравится и... я... не испытываю особого напряжения». Сегодня у меня нет таких многих работ, круг этих учреждений гораздо меньше, хотя эпизодически возникают то какие-то Школы, то курсы повышения квалификации, я и сейчас в общем-то не испытываю такого очень большого напряжения.

Сегодня существует такое расхожее мнение, что... вот... занятость множественная, она уменьшает время общения с семьей. Ну, может быть, это и так. Но у меня это все-таки не происходило. Более того, я даже думаю, что дети вырастают вот в такой вот семье... тоже какими-то другими. Ну.., дочь моя, не социолог, училась на юридическом, но принимала участие во множестве опросов, помогала мне, когда я сотрудничала с маркетинговыми фирмами, помогала мне... проверять, контролировать качество анкет, как-то вовлекалась, ну и сама опрашивала, ей надо было подработать, и чтоб она просто видела, я делала это сознательно, чтоб она видела, как это происходит. Через социологию она расширяла круг общения, и я даже думаю, что, может, у меня такая уникальная ситуация, когда ей вот это общение с социологией помогло в своей нынешней профессии. Она окончила юридический факультет, но работает как консультант по подбору персонала. И вот эти навыки, которые она получила, участвуя в моих вот этих вот исследованиях, оказались ей в итоге полезными. Я помню, как она опрашивала людей в рамках исследования, которое я проводила совместно с чешскими исследователями... исследования, связанного с адаптацией бывшей партийной номенклатуры к меняющейся реальности. И когда она опрашивала бывших партийных функционеров, ездила в нашу область, в другой город, то приехала в общем-то с восторженными глазами: как интересно, как это все здорово, люди рассказывают о себе, какие разные люди, то есть фактически она погружалась в жизнь других людей, совершенно другую жизнь, которую она не видела, не знала, будучи благополучной студенткой благополучного университета. А тут она попадала... не только в этом исследовании, разумеется, в различные слои, и этот опыт был тоже ей полезен, это был опыт для нее. То есть я могу сказать, что применительно к себе вот такого отрицательного воздействия моя вторичная

занятость не произвела, а может быть, даже наоборот. Она утвердила меня в своем каком-то профессионализме, востребованности, и я даже думаю, ...что она помогала мне очень, потому что... ну... у каждого, наверное, возникают периоды вот такого... периоды задавания вопросов себе: на том месте ты или не на том, тем ты занимаешься или нет, может, вообще этим надо перестать заниматься. И вот моя множественная занятость меня как-то поддерживала и подбадривала в этом, не говоря о том, конечно, что она еще и деньги приносила, которые тоже были совершенно немаловажны.

Сегодня все сделалось более спокойным, более привычным, более гладким, хотя тебя все равно выбирают, но теперь уже и ты выбираешь. В этом смысле сейчас уже не кидаешься на любую работу, а уже думаешь, нужна ли она тебе, имеет ли смысл ее брать. Видимо, сказывается, ну, наверное, некоторая усталость и всевозможные другие, научные интересы, например, видимо, на каждом этапе жизненного пути человек сам решает в какой мере ему в это вовлекаться. Во всяком случае я никогда не испытывала... ну, такого разочарования или ощущения загнанности. Хотя все мы привыкли говорить, что мы, как загнанные лошади, но мне кажется, что это скорее дань ритуалу в нашей среде, ритуальный такой рефрен. Фактически мы сами выбрали такую жизнь, сами в нее вкручивались, выбирали сами этот образ жизни, он нам нравился, и до сих пор нравится, честно говоря... Вот, пожалуй, и все, наверное, что я могла бы рассказать о своей вторичной занятости.

Итак, нарратив закончен, я начинаю интерпретацию. Первая важная исследовательская задача – *анализ мотивов вторичной занятости*. Попробую воспользоваться эвристически значимой, на мой взгляд, структурой мотивов деятельности, предложенной А. Шюцем, где американский исследователь выделяет две группы: «*для-того-чтобы*» мотивы и «*потому-что*» мотивы. Первая группа, по мнению А. Шюца, «относится к *будущему* и идентична объекту или цели, для реализации которого само действие является средством» [13, с. 105]. «Для-того-чтобы» мотив есть *будущее* состояние дел, которое должно быть реализовано планируемым действием. Группа *мотивов «потому-что»*, по Шюцу, относится к *прошлому* и может быть названа *основанием* или *причиной*

действия. А. Шюц полагает, что если первая группа «для-того-чтобы» мотивов интегрируются в субъективные системы планирования, то «потому-что» мотивы коренятся в особенностях личности, это «переживания в опыте своих базовых установок в прошлом так, как они представлены в форме принципов, максимум, привычек...» [13, с. 106].

Итак, анализ транскрипта нарратива, на мой взгляд, показывает, что группа мотивов «для-того-чтобы» не является однородной и не сводится только к одному мотиву, а наоборот – представляет собой *сплав разнокачественных мотивов. Это и стремление улучшить свое материальное положение, и намерение повысить свой профессионализм, и интенция быть признанной среди коллег, и намерение приносить пользу людям.* Иерархия среди этих мотивов вряд ли может быть установлена, во всяком случае, как мне кажется, интервью не дает возможности это сделать корректно, да и мой опыт самоанализа это подтверждает. Относительно неблагоприятная материальная ситуация (во всяком случае мое определение ее как таковой) является скорее специфическим «*спусковым механизмом*», *стимулирующей ситуацией* поиска дополнительной работы. Это именно *взаимное переплетение* стремлений, где каждый мотив важен сам по себе, но еще и *подпитывает, усиливает* действие другого, создавая положительную эмоциональную тональность восприятия дополнительной работы как *успешной, удачной, приносящей удовлетворение*: «*Это было какое-то комплексное упоение... оттого что можешь себе купить то, что раньше никак себе не мог позволить, и оттого что ты востребован, и оттого что к тебе везде хорошо относятся..., что ты как специалист, как профессионал нужен и растешь одновременно*».

Важно подчеркнуть, и материалы интервью, на мой взгляд, это убедительно показывают, что мотивы нематериального плана существуют не как незапланированные (случайные) побочные положительные следствия дополнительной работы, на которую решаются только ради денег, но как *значимые цели, ориентиры*,

которые осознаются и учитываются при выборе второй работы: если дополнительная работа не реализует один или несколько этих нематериальных мотивов, то от нее отказываются даже несмотря на то, что она приносит или могла бы приносить такие же деньги, как и работа в тех местах, где «все есть» или «может быть».

Выявленная «потому-что» мотивация, на мой взгляд, находится в согласии («триангулирует») с выводами других исследователей. Так И.П. Попова и Н.Н. Седова, сравнивая структуры трудовой мотивации двух социальных групп – работающего населения без дополнительной занятости и работающего населения, совмещающего основную работу с дополнительной, отмечают, что «имеющие дополнительную занятость демонстрируют сильную степень выраженности ценности *профессионального прагматизма и признанного профессионализма*» [18, с. 38]. Под профессиональным прагматизмом, видимо, авторы имеют в виду ориентацию на такую дополнительную работу, которая позволит *использовать и развивать* имеющиеся профессиональные навыки и умения. Эти исследователи также делают вывод, что именно *та подгруппа совмещающих*, для кого дополнительная занятость выступает *продолжением или развитием основной* (а у нас как раз именно такой случай), в наибольшей степени характеризуется *ощущением успешности второй работы*. При этом, по их мнению, «содержание работы – *значимый фактор* для субъективного ощущения успешности» [18, с. 39].

Некоторым соответствием можно считать и вывод, полученный другими исследователями, о том, что «полизанятые значительно чаще полагают, что их работа *социально значима* и вообще необходима для общества» [16, с. 47]. Относительным это соответствие может быть названо потому, что этот вывод отнесен ко *всем «подрабатывающим»* без выделения той специфической подгруппы, к которой принадлежу я. В то же время в работах, где специально анализируется мотивация этой группы людей, мотив *общественной полезности работы, ее значимости для людей не выделен*.

Следует заметить также, что *сам этот мотив*, столь любимый советской социологией труда и действительно характеризующий сознание отдельных социальных групп советского общества, в нашем случае наполняется *другим смыслом*, теряет свою глобальность, отнесение к обществу в целом и приобретает скорее *камерный характер*. Это полезность *конкретным людям*, которым «ты нужен» и которые «смотрят в глаза» и... потом говорят: «спасибо». Любопытно, что этот же самый мотив, как показывают наши исследования, сегодня *довольно редко встречающийся*, был обнаружен в исследовании 2000 г., проводимом нами в рамках мониторинга социально-экономической адаптированности населения Самарской области, о котором я уже говорила. Он был характерен для единственной группы, не сконструированной, а обнаруженной нами в эмпирическом анализе¹ – группы так называемых профессионалов [19, с. 56]. Думаю, это позволяет сделать вывод (хотя бы гипотетический) о том, что стремление к полезности своего дела является неотъемлемой чертой *профессионального самосознания, самоосознания, самоопределения* себя в качестве профессионала, неразрывно, впрочем, связанного с признанием в «своей» среде: профессионал – чаще всего признанный профессионал.

Анализ *мотивов «потому-что»* вторичной занятости предполагает, как я уже говорила вслед за Шюцем, акцент на *личностных основаниях*, выступающих *условием, причиной* использования вторичной занятости как способа освоения кардинально меняющейся реформирующейся социальной действительности, принорования к ней. Я полагаю, что можно выделить *комплекс* таких личностных факторов-условий, который может быть представлен *двумя группами: ценностного плана и индивидуально-психологического характера*.

¹В исследовании изучались 4 типологические группы населения, сконструированные в соответствии с выделенными типобразующими признаками: наличие (отсутствие) адаптивных стратегий, материальная обеспеченность в ее субъективной форме.

Первая группа характеризуется прежде всего определенной иерархией *ценностных ориентаций*, ведущее место в которой занимает *работа, любимая работа*. Вчитайтесь внимательно в текст: «упоение», «жизнь взахлеб», «это и есть жизнь» – такими словами я описываю ситуацию своей множественной занятости, жизненную ситуацию. Означает ли это, что здоровье, общение, культурное развитие, так же, как и традиционно женские ценностные предпочтения: материнство, благополучие дома, красота (женственность) и др. автоматически вытесняются на второй план, делаются несущественными, незначимыми? И да, и нет. Транскрипт интервью, а также самоанализ показывает, что ценность материнства всегда стояла *вровень с работой*, своеобразно «подпитывая» стремление взять на себя еще одну дополнительную работу. Да и те периоды усталости, те ощущения «напряженки», которые то и дело «прорываются» в тексте сквозь его в целом «розовую» тональность, – свидетельство определенного конфликта ролей, противоречия равнозначимых ценностей. Все же остальные ценностные ориентации действительно оказывались (и до сих пор оказываются) второстепенными, периферийными.

Еще одна черта ценностного плана – относительно высокий *уровень притязаний, достижительная мотивация*, ориентированная в том числе и в сферу потребления и выступающая одновременно источником трудовой активности и основанием (текст это хорошо иллюстрирует) внутри семейных разногласий, определенной напряженности отношений в семье.

Вторая группа индивидуально-психологических факторов-условий, как показывает анализ, включает в себя ряд основных характеристик: готовность и способность к напряженному труду, работоспособность; самостоятельность, склонность к самостоятельным решениям; ответственность, в том числе и умение брать на себя ответственность за материальное благополучие семьи.

В целом полученные результаты вполне соотносятся с выводами других исследований и моего собственного, проведенного

в 2000 г., так или иначе характеризующих личностные особенности «полизанятых» в частности и успешно адаптирующихся людей вообще [16, с. 47–48; 18, с. 39; 6, с. 475–477]. Исключение составляет лишь отсутствие у меня активности в поиске дополнительной работы (даже определенное любование этой чертой – «никогда я сама не искала ничего, не пробивалась, не предлагала сама»): типичным, как показывают исследования, напротив, является активный поиск работы, активное целенаправленное использование появившихся возможностей¹ в сочетании с владением имиджевыми технологиями предъявления себя.

Заканчивая процесс интерпретации собственного нарратива, поставлю себе *еще одну задачу*: так как же все-таки оценить вторичную занятость с *позиции влияния на человека*, выбравшего *этот* способ «вписывания» в меняющуюся реальность – как преимущественно отрицательное, вынужденное и вынуждающее «забыть» семью, друзей, развлечения и многое другое явление, или как скорее положительное? *Я как объект исследования, как простой человек* считаю (и транскрипт это показывает), что моя множественная занятость принесла мне больше радостей, чем разочарований и боли. *Я как исследователь* полагаю, что однозначного ответа нет. Во всяком случае понятно, что *однозначно отрицательная оценка*, окрашивающая процесс адаптации в драматические тона и преобладающая в начале 90-х, сегодня уже история.

Конечно, спектр исследовательских задач может быть существенно расширен – нарратив, я полагаю, позволяет это сделать. Вместе с тем цель этой статьи была не столько *содержательного* плана – как можно полнее проанализировать «человеческую сторону» дополнительной занятости как довольно распространенного феномена нашей постсоветской жизни, сколько *методического*:

¹ Впрочем, эта черта не является такой уж исключительной и, на мой взгляд, характеризует феномен *советскости* экономического сознания поколения, прожившего большую часть своей жизни в СССР.

показать познавательные возможности автоэтнографического исследования в его научной (или тяготеющей к научности) разновидности. Надеюсь, что эта цель хоть в первом приближении достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Готлиб А.С.* Автоэтнография (разговор с самой собой в двух регистрах) // Социология: методология, методы, математические модели. 2004. № 8.
2. *Козлова Н.Н.* Как работать с советским архивом // Методологический потенциал качественной социологии. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2000.
3. *Магун В.С., Гимпельсон В.Е.* Стратегии адаптации рабочих на рынке труда // Социологические исследования. 1993. № 9.
4. *Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 2.
5. *Готлиб А.С.* Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология: методология, методы, математические модели. 2000. № 12.
6. *Готлиб А.С.* Адаптация россиян к новым экономическим условиям: масштабы, условия, факторы успешности // Проблемы экономической психологии: В 2 т. М.: Институт психологии РАН, 2004. Т. 1.
7. Общественное мнение—2000. Декабрь. 2000.
8. *Варшавская Е., Донова И.* Вторичная занятость населения // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабалиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.
9. *Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П.* Вторичная занятость и ее социальные последствия // Социологические исследования. 1999. № 5.
10. *Перова И.* Дополнительная занятость: масштабы, структура, характер // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 4 (42).
11. *Клопов Э.В.* Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности // Социологические исследования. 1997. № 4.
12. *Арсентьева Н.М.* Вторичная занятость городского населения // Общество и экономика: социальные проблемы трансформации Новосибирск: ИЭиОПП Со РАН, 1998.
13. *Шюц А.* Социальный мир и теория социального действия // Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Общественное мнение, 2003.

14. *Готлиб А.* Введение в социологическое исследование : качественный и количественный подходы // Методология, исследовательские практики. Самара: Самарский университет, 2002.

15. *Шюц А.* Проблема рациональности в современном мире // *Шюц А.* Смысловая структура современного мира. М.: Общественное мнение, 2003.

16. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Поли- и монозаняты в российском обществе: социально-структурный анализ // Социологические исследования. 2004. № 2.

17. *Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии (введение). М.: Стратегия, 1998.

18. *Попова И.П., Седова Н.Н.* Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. 2004. № 2.